Четыре поэмы Орфея

Константин Ваншенкин

ЛУННАЯ МИСТЕРИЯ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Я недостоин женщин вроде тебя.

Стрыкало

Красноглазая луна

Поднялась полная луна
Её власть держит у окна

Я видел странного зверя в лесу. Первым делом он лизал деревья с шершавостью, вторым делом он вынюхивал красноглазую луну.

Я расскажу о двух делах — первом и втором — последовательно; расскажу, что за луна, имеющая глаза; почему они красные; что это за зверь; кто я такой.

Начну с луны. Она имеет зрительную способность с тех самых времён, когда зарождалась. Но это не красная луна, а обычная белая луна с яркими красными глазницами, из которых она наблюдает не всегда, а тогда, если на земле лежит мёртвое тело. Её осмотр подобен вылуплению птенцов или эрекции рожек улитки.

Медленная, обаятельная структура разврата читается в этих глазах, и кто решит, по той или иной причине, засмотреться на них — а причин изначально много, — навсегда становится красноглазым лунном, то есть предшественником рассвета. Конечно, в обычные ночные дни луна старается не показывать глаз, чтобы не напугать людей. Вообще интересное наблюдение: красноглазую луну видят и воспринимают по-разному. Если для кого-то она есть диск света, для других она есть диск света с красными глазами; глаза не выражают враждебных эмоций, что очень облегчает контакт.

Следовательно, именно поэтому вы скорее всего ни разу не замечали её на ночном небе. Фактором, определяющим цвет глаз луны, является кровь трупа, из-за которого, как я писал ранее, луна и показывает свою иную лицевую сторону. Любой труп имеет кровяные выделения по телу и источает приторную мертвенность. Я думаю, что луна имеет ещё и нос — чтобы чувствовать кровь.

Какого зверя я видел. Почему назвал его странным. Так, он похож на собаку с коричневой медвежьей шерстью, он дружелюбен и тих, не издаёт никаких звуков, кроме прерывистого дыхания (например, когда лижет деревья). Этот зверь появляется в красноглазую луну и делает что-то странное…

Я хочу теперь, после всех выясненных обстоятельствах, рассказать о себе.

Меня зовут (неясно). Я был первым человеком, увидевшим красноглазую луну; с того времени постоянно пишу о ней статьи, книги и газеты. Один из таких текстов вы читаете, ибо я оплатил свою публикацию. Пожалуйста, прислушивайтесь ко мне и будьте осторожнее, если вдруг находитесь в лесу и знаете, что в нём лежит труп.

Индика

Чую нервами с детских лет
Равномерный холодный свет

Пусть всё повторится, пусть меня обволокут опекой среди беспрерывного грома. Забурлит река, закипит, кто-то всплывёт, будь то рыбы, жалостно смакующие водоросли, и будь то грусть среди дня. Никому нет дела до тебя, и мне печально видеть твоё голое тело, покрытое травой, тихое и лежащее без дела. Похороненный в царстве цветов, весною поглаженный по голове, водою умытый; честный с собой, но лживый с другими сын бога; кратковременный ветер осушит твоё нёбо, грозящее задрожать. Не плачь: слёзы впитаются в почву и ты окажешь должное Земле, которую недолюбливал. Сравни себя и меня: я пораненный муравей, раздавленный тапком; ты правомерна меня любить; я готов тебя слушать.

Пьер

Наконец пробил этот час
Целый месяц я ждал и чах

— Скажи, пожалуйста, почему же я виноват перед твоей дочерью? Ведь я сделал всё так, как мне велело сердце.

Он положил ладонь на левую часть груди.

— Ты считаешь, я должен объясняться перед тобой? Отстань от меня, покинь мой дом! Ты мне надоел, я устал, устал от твоей глупости!

— Но давай поговорим!

У прикроватной тумбочки стояли часы. В какой-то момент часовая стрелка с тихим колокольчиком пробила двенадцать дня. Рядом с часами лежали ножи. Пьер не успел и моргнуть, как собеседник рванул вперёд и схватил нож, с чавкающим звуком вонзив в него.

— Я не буду просить прощения! — закричал он.

— Это уже не требуется… — смог произнести Пьер хриплым голосом и умер, упав на пол.

С Лизой на балконе

Каждый раз, будто первый раз
Отступает моя печаль

На чьём-то дне рождения мы с Лизой вышли на балкон покурить. Она покрасила волосы в чёрный, но в ночи я видел её по-прежнему русой; она тоже странно на меня смотрела.

— Я больше не хочу тут висеть, — сказала она.

— Чего?

— Не люблю пьяных людей.

Я взглянул через остеклённую дверь: пьяные люди становились развязнее, позволяли больше мата, обесценивали оправдания. Тихие сжались в углу и общались, но без энтузиазма, всё время отвлекаясь. Тот, чей день рождения праздновали, сидел в окружении молодых, курящих кальян девушек (они специально так одеваются).

Повернулся обратно: резкий контраст удушающей, этиловой ночи с ночью зимней и приятной. Лиза взяла меня за руку вслепую. (У неё короткие ресницы, длинные пальцы, высокий лоб.)

Я спросил:

— Мы любим друг друга?

Она сказала, что свет от звёзд движется к нам миллионы лет.

Исповедальная ночь

Отступает всего на шаг
И стоит позади дыша

Заперев свою голову в шкафу, я вслушиваюсь в тревожные речи своих близких. Они плачут по мне. Но вот плач переходит в длинный смех. Они смеются, пьют водку и кладут деньги на стол. Я слышу вой, слышу собак, слышу лай маленьких псов и больших щенков. Мне становится страшно за них. Мне кажется, что все покинули меня, покинули. Они ушли далеко, они горевали недолго, а немного, просто горевали. Жизнь их продолжилась. Куда мне до них! Я сажусь на колени в своём тесном шкафу и громко рыдаю, но боюсь привлечь внимание. Так я сижу и плачу...

Но вдруг на моё искривлённое лицо попадает ломтик тёплого света из окна. Рассвет. Дверца шкафа скрипит и плачет вместе со мной. В какой-то момент я перестаю всхлипывать и смотрю в щель медленно открывающейся двери.

Тёмный женский силуэт стоит рядом и шепчет мне:

— Не беспокойся...

Я не верю ему. Я хочу плакать дальше, но слёзы не текут. Я всматриваюсь: та, которая была слишком близка, когда мой гроб заметал чёрный ветер. Я покрылся пылью, как полка, и сгнил с ног до головы, меня было не узнать, и вот она стоит… Говорит, что я ей больше не доверяю.

Я не понимаю, что она имеет в виду.

Но я слышу, что гам исчез… Я полностью выползаю из шкафа, как из норы, и осматриваюсь… Это мой дом, а передо мной — моя сестра.

Страшно. Я никогда не знал, что она моя сестра. Я просыпаюсь. Она стоит передо мной и плачет, рассвет покрывает её волосы, я глажу её по голове. Она падает на пол и всё рассказывает. Не утаивает ничего. Я плачу уже несколько минут.

Затем рассвет съедает частичку моего тела. Я в ужасе прячусь обратно в шкаф, протягивая ей руку.

Однако она сильнее… Она плачет на коленях и смотрит на руку. Вот и всё.

— Прощаемся, — говорю я, закрывая дверь.

Про каштан

Подойти ближе не решается
Чтобы не помешать

I

Мы остановились возле дома, идти дальше невозможно, ноги отнимала усталая боль. Я спросил у друга, чем заняться, пока второй друг искал ключи к этому дому.

— Сделаем обход местности. Поищем каштан.

— Для чего нам искать каштан? — спросил я, озадаченный.

— Чтобы не клонило в сон.

II

Безумное лиховство повлекло нас в дебри — здесь каскад леса лежал прямо на нашем пути. Кажется, что перед глазами что-то тухнет; возможно, экран тепловизора, который мои друзья прихватили с собой на всякий случай; в этом лесу очень много медведей, поэтому забывать о собственной безопасности нельзя.

Он разбил лагерь, поставил палатку, включил свет. Внутри было теневое пятно. Я подумал, что это голова, когда вдруг присмотрелся, ступил, чуть не провалившись в сугроб кровавого снега. Он оказался таким не просто так: один из моих друзей поранил руку, добывая талой воды и сухого дерева.

Вот так и жили, пока не опустилась на нас ночь. Я бросил всё гореть на снегу и побежал в палатку. Окропившая нас ночь была уютной и убаюкивающей, я словно очутился у матери под юбкой, в губах моих бряцал сосок с пирсингом.

Друг, сидящий внутри, удивился и закрыл за мною вход:

— Тише, спугнёшь.

— Кого? — тут же спросил я тоном, с которым забежал.

Друг приказал молчать, а его строгий взгляд не заставил меня усомниться в его правоте.

— Говори, для чего пришёл. У тебя своей палатки нет?

— Есть, есть палатка; что-то важное всплыло, но я тут же забыл, пока бежал к тебе.

— Убирайся вон! — и прокричал, и прошептал друг, таким образом опасаясь чьего-то присутствия.

Лунная мистерия

Тополя шелестят листвой
Расставляя всё по местам

I

Я вернулся сюда без волос
С каким-то маленьким топором
Лицо моё червиво и улыбчиво
Не узнать

Знакомые улицы поросли елью
Травой и дикой земляникой
Грибами, бактериями
И я шёл под свет луны
Это было ночью
Шёл, как странный человек:
Радовался радуге
Свершал камни
Спотыкался падал
Пока вдруг не наткнулся на канал
Дети, ваша трапеза
Детская счастливая трапеза
Окончилась

Я вернулся. Новый Я
Страшный берег у ручья:
Здесь бисер

На кладбище
Я удивлялся
Царапал гроб с той стороны
Пыхтел как собака
Пока вы плакали по мелочам
И трогали мою глаукому пальцами
Хотели потрогать, то ли забрать
Мне неясно

Мне ясно, что красная ночь
Вонзившись клыками в овцу
Нападёт на тебя, ты свернёшь шею
В попытках убежать
Когда земля
Зарастает

По ходу и слышится ночь
Ничего не слышится
Вертится карусель
Кровавый сон
Рядом собака
Как муравей
Шмель
Муравьед и мельница
Капризная пуговица

Стены сжались, запрыгали в хохоте
Но только глядь: нет никого

А солнце мечет, красное мясо
Ты перестаёшь убегать
На родной тропиночке
Станешь:
Детство позади, оно в тумане
Где мог я оказаться только что
За что?

Об этом узнает костёр
Два ребёнка
Сомнительного содержания

Шелковица возрастёт на месте берёзоньки
Чья-то подошва раздавит шелковицу

После разлуки ты бела, как полотно
Бледна, как молоко
Сера, как мышь
И что?

Утренним пробуждением видишь: светлый рассвет
Поражается пестицидами
И кошмарная ноченька цвета блина
И медовые складки

Этот мир придуман не мной
А скупой божеской душой
Тщетной и гламурной, как перья попугая

Скажите же, безразличные монолиты
Изображающие маму
Кому сейчас легко?

Не в своём сознании
Наполненный комарами

II

«Все слова так или иначе, но забылись. Я снова начал употреблять, последние два раза, когда ты отправлял мне деньги, я торчал. Не смотрел на твою фотографию, впрочем чувствовал себя неважно и т. п. Без особой ностальгии шли дожди, а я ни разу не выставил руку. Как будто пустяки. Теперь страдаю чаще, но и что? Не могу понять твою червивую тревогу.

Сперва я считаю до десяти и открываю рот в пароксизме радости, затем я вдыхаю сиреневый день, его запах, просунув как можно голову между решёток. Просто рассказываю, я даже не плакал, когда писал это, ни единой слезинки, ибо почему мне плакать? Это невозможно: меня дырявили ветреные деревья, за мной сновали мыльные пузыри. Я молился дождю. Это не про то, что я сильнее».

Биргил

Повторяя собачий вой
Растворяется серый страх

Биргил остановился у большого деревянного дома, не имевшем ни окон, ни дверей. Ноги устали идти к этому месту — он провёл в пути шесть дней, — и абсолютно очевидно, что ему захочется сделать привал. Приближался особо красный закат, и Биргил задумался: враждебная среда и так заставляет его потеть, а страшный красный закат, который покроет местность, снизит шансы на выживание. Ему не встречались люди: будь то странники или торговцы тканью; только маленькие группы кочующих матерей с детьми перебирались с одного берега на другой, ища город под названием Меса.

Дом был несколько староват: стены поросли чёрствым и толстым от времени плющом, или лозой, на что указывали крючки, цепляющиеся за кожу человека. Биргил успел изучить растительность, и подобные лопухи выбивали его из сил. Казалось, что он ничего на самом деле не знает. Он хотел верить, всячески подбадривал себя и держался оптимистично, пока описанный выше закат не начинал опускаться и предвещать ночь, ведь все прошлые ночи, которые чудным образом пережил Биргил, наносили на его тело физический след травмы (например, сыпь от аллергии или сплошь покрывающие спину укусы от клопов.) И сыпь и укусы сильно чесались, доставляя Биргилу невыносимое чувство, иногда доводившее его до слёз; он, не переставая чесаться, падал на колени, переворачивался на спину рывком и тёрся о землю, через несколько минут такой ярости Биргил вставал, отряхивался и продолжал путь.

Биргил думал, что можно привыкнуть ко всему, но теперь думает, что ошибался. Он не доверяет самому себе и начинает забывать, что такое логическое мышление. В этом месте нет ни логики, ни мышления, более того, многочисленные приступы дают Биргилу понять, как сильно пошатнулось его психическое здоровье.

Когда он с усердием охотящегося льва открыл двери, на его лицо упал луч света. Биргил пригляделся, сделав шаг вперёд: это костёр, относительно недавний, горит посредине заваленной хламом комнаты. Он тут же утратил последнее чувство опасности, обрадовавшись возможному человеку, и забежал вовнутрь с радостными восклицаниями; в них перемешалось много языков, не было понятно, что именно кричит Биргил.

Он сел рядом с костром и осмотрел его как следует: по всей видимости, оного разожгли здесь более двух часов назад, на что указывало количество сгоревшего дерева. Тот, кто разжигал костёр, умело и точечно выбирал ветки по форме, длине и толщине, словно следуя какому-то правилу. Окрест валялись, как показалось Биргилу,

тряпки, похожие на одежду. Биргил поднял голову и проследил за нитками, которые, подвешенные квадратом вдоль и поперёк комнаты, являлись бельевыми; увидев на них прищепки, Биргил предположил, что одежда была повешена с целью высохнуть, но по какой-то причине упала.

Биргил посчитал своим долгом повесить одежду обратно.

Отойдя от костра, Биргил уткнулся в большое кожаное кресло из медвежьего меха, что он смог распознать не без помощи охотничьих навыков. Он обернулся к нему лицом, потрогал каждую часть с осторожностью, будто был слеп, вдруг присел в кресло и замер. Двигались только его глазные яблоки. С этого момента он наконец услышал шаги, доносящиеся сверху: действительно, если Биргил прямо сейчас выйдет из дома и посмотрит на него, то увидит чердак. В дальнем углу он обнаружил вход, где, по предположениям, находилась лестница. Биргил обдумывал природу человека, который зашёл в этот дом и разжёг костёр. У него было несколько вариантов.

Первым вариантом оказалась молодая девушка, которую выгнали из деревни во время беременности; ибо так случалось довольно часто, что знает Биргил не по наслышке. Дело в том, что беременные женщины потребляют очень много ресурсов, а скорое наступление зимы и отсутствие здравых охотников делало беременную — обузой.

Вторым вариантом был злобный головорез, остановившийся осушить свои вещи после того, как погнался за кем-то и угодил в болото. В таком случае у Биргила меньше шансов остаться в живых, ведь никто не может гарантировать, что меч головореза не отсечёт ему голову.

Он прекратил думать и сказал самому себе: «Зачем мне гадать, если я могу взглянуть на одежду?» Он встал и подошёл к тряпью, однако ни по размерам, ни по виду одежды не смог распознать, к какому полу её отнести.

В скором времени Бергил принял решение подняться наверх, так как человек, находящийся на чердаке, упорно скрывал своё присутствие. Перед Бергилом длинные ступеньки и множество пыльных образований со сгустками. Он занёс ногу и ступил, чтобы проверить, насколько обветшалые здесь доски, раздался протяжный скрип, и какая-то насекомая букашка взлетела ввысь. Бергил испугался и выругался: «Жнецы!» (Никто не знает, кто такие жнецы; Бергил придумал и дал им название тотчас.) Бегрил отчаянно положил руку на сердце, Ощущение биения давало обнадёживающее чувство безопасности. Последовал писк, сопровождающий каждый шаг Бегрила наверх, а голос начинал говорить отчётливо и связно. Бегрил ужаснулся, когда услышал своё имя: «Бегрил, я рад тому, что мы снова вместе».

Январь — май 2026 г.